

Коля Бляхин копал яму. Такой совет ему дал майор Кораблёв, когда Коля освобождался из лагеря, отсидев четыре года за убийство по пьяной стихии. Убил Коля собственного родственника — троюродного брата Витю на свадьбе у племянницы Светки. Колина жена всегда говорит, что Коля — человек очень хороший, и только от водки становится дурак дураком. А какая же свадьба без водки?! Что там было на свадьбе, Коля так и не вспомнил. Рассказали ему потом, что недалёковидный Виктор над ним подсмеивался, а Коля не стерпел: схватил нож и тут же запорол брата Витю. Потом с этим ножом гонялся за прочими родственниками, упорхнувшими как куропатки кто куда. Кто-то его оглушил сзади, Коля и уснул себе спокойно. Разбудила его милиция. Хоть и родственное дело, а без милиции не обошлось. Был бы Витя хотя бы раненым, придумали бы уж чего-нибудь, но Витя умер совершенно до смерти. Племянница Светка не простила дядю Колю — на второй день свадьбы вместо того, чтобы похмеляться и покупать у Светки пельмени и блины, родственники давали показания. Показания были противоречивыми. Ещё бы! Столько выпили... Колю Бляхина взяли под арест, и на поминках брата Вити ему погулять уже не пришлось. Коля Бляхин плакал, жена Колина плакала, жена Витина тоже плакала. Так закончилась Светкина свадьба. Но зажили молодые, на удивление, счастливо. В первый же год купили машину.

Колина жена зря выгораживала супруга, сваливая его дурь на водку. И без водки Коля был не божий ангел. От любой мелочи, что была ему не по ломаному носу, он белел и беленился. В доме Бляхиных не смолкал мат, ор и свист пролетающих тяжестей, коими Коля от души швырялся в жену и дочерей (обе

росли заиками и зассыхами). Вечно он скорчегал коричневыми зубами, дёргал оттопыренной губой — столько в нём было злости. Ругателем Коля Бляхин был непревзойдённым. Но брал не виртуозностью, а неутомимостью своей. Сосед, однажды заинтересовавшись, засёк: Бляхин полтора часа однообразно материл ручей, потёкший не так, как предполагал Коля, а на полтора метра левее. У Коли ещё и двустволка до ареста была. Летом семейство его то и дело лежало под прицелом в картошке, боясь высунуть носы из ботвы. Зимой Коля любил гонять раздетую и босую жену по улице. Ревновал! Бросался он и на односельчан по неосторожности. Бывал бит. Затаивал злобу. Мстил. Но мстил почему-то жене, которая в конце концов стала для него воплощением всех враждебных Коле сил. Когда на Бляхина накатывала ярость, он становился быстрым, лёгким и могучим — так ему казалось. Дурной ядовитый газ наполнял Колину шкуру и поднимал с места куда-то лететь, всё подряд крушить, всех увечить или хотя бы материть смертным матом. Майор Кораблёв очень хорошо разобрался в Колиной природе, потому и посоветовал копать яму. Так и сказал:

— Как захочется тебе убить кого-нибудь — тебе часто хочется, я вижу, так иди копей яму. В одном кино мужик дрова рубил, но тебе топор в руки не надо брать. Копай яму. А то опять сюда попадёшь. А здесь нехорошо, ты уже это, Бляхин, понял. Да?

Коля вернулся в мае. Жена собрала стол и немного родни. Родня взялась есть и хвастаться друг перед другом. Коля выпил, послушал (все-все обошли Колю на жизненной дистанции!) побелел и бросился вон из-за стола. Родня обомлела: Коля чего-то копал в конце огорода.

— Насиделся, бедолага — по работе соскучился, — умилилась жена.

И зажили Бляхины счастливо. Жена спросила, было, у Коли, чего это он в конце огорода копает, но Бляхин так глянул на неё, так дёрнул губой, что жена навеки заткнулась. Мужик знает, чего копать!

— Колодец! Клад! Могилу себе! Пруд — рыбу разводить! Там у него другое ружьё! — гадали земляки.

А Коля копал и копал, и скоро уже выкопал яму в свой рост. Жена его ворочала хозяйством и думала, как бы ей уговорить Колю уехать из этого пропащего места к сестре: там и работа,

там и развитие девчонкам, но Коля как будто не слышал намёков. Коля копал яму.

Не одна Колина жена смазывала лыжи — полдеревни уже выехало, другая половина собиралась. Все ругали эту невезучую деревню, где нет работы и счастья. От таких настроений жизнь совсем захирела: народу ни с того, ни с сего поумирало немерено. Все молодые и без жалоб. У учительницы в животе замерла двойня, у Колиного соседа полёг весь свиной молодняк. На картошку напал жёлтый китайский червяк и извертел её дырами, как хотел. Трудно человеку без воображения понять, откуда и за что берутся такие напасти. Однако всегда найдётся большая голова, у которой на всё есть ответы раньше вопросов. Жила и здесь такая через три дома от Коли. Всего-то уборщица в школе, зато во дворе — поголовье и ещё гусей поляна шесть на девять метров. Уборщица эта заявила в очереди, ожидавшей в магазине подвоза хлеба, что беды эти свалились неспроста, а скорей всего из-за Колиной ямы. Ведь выкопать из ямы можно всё, что угодно. Например, радиацию. Видеть — не видно, а беды не оберёшься. Народ заволновался: кто знает, какого чёрта он в этой яме роется?! Запретить! Закопать! А как ему запретишь, если это всем известный убийца Коля Бляхин, да и роется он в своём собственном огороде — имеет право. Всё ж нашлись подвижники, написали в сельсовет и участковому по анонимке. Дескать, Николай Бляхин разрыл в своём огороде яму, и, по всему судя, выкопал оттуда радиацию или неразличимый глазом вирус. Умные люди в сельсовете только посмеялись. Радиация! — радиация в Чернобыле.

Снег выпал, Коля копал, потом долбил ломом. Однажды он нашёл в яме мокрую записку на обрывке картона: «Кончай копать, Бляхин, или мы твой дом сожжём!» Коля в этот день выдолбил три нормы. В деревне начали забивать гусей, вдруг одна гусятница разглядела, что у гусей сплошь расширенная печень. И все следом за ней заготали: печень, печень! Радиация! Опять взялись за Колину яму. «Глубже могилы землю копать никому на свете нельзя, — вещала техничка, — там человеку делать нечего. Там уже сами понимаете, чья территория». Да уж, поневоле задумаешься, чья, когда ночью пурга окна штрихует, ветер воеет громче собак, и все пути вон наотрез отрезаны. Колину жену строго предупредили – кончайте с ямой, не то мы сами примем

меры. Жена, конечно, промолчала: ни слова людям, ни слова Коле.

Находчивый случай сам распорядился. Коля поскользнулся на мёрзлой глине, свалился в яму и сломал ногу. Тут ни у кого сомнений не было: Бляхина Бог покарал! Долго врачи вертели Колину ногу: сращивали, ломали, снова сращивали, хотели, было, даже отрезать. Но каким-то незаслуженным чудом обошлось. Коля всю зиму проболтался меж костылей. Жена тихой сапой упаковала вещи и отбыла к лету вместе с детьми и покалеченным в яме Колей жить у сестры в пристройке к магазину. Жизнь у Бляхиных пошла куда лучше прежнего. Колю признали инвалидом, назначили пенсию. Жена мыла, сторожила, отапливала магазин, развешивала сыпучее, раскладывала штучное. У неё была зарплата, у девчонок уже не обноски — обновки. Зато Коля лишился самого дорогого — ямы, от злости он швырял костылями в семейство, но оно, женское, вёрткое, наловчилось маневрировать. Тогда Коля долбил костылём в бетонный пол. В магазине было слышно: тук-тук-тук. «Коля мой такой работающий, — поясняла жена покупателям, — вечно что-нибудь по дому копается».

В огороде брошенного Колиного дома так и осталась позевать яма. О ней на время позабыли из-за Тани-гусятницы. Таня-гусятница, обыкновенная дебилка двадцати лет, жила с бабушкой. Бабка забрала её у пьющих родителей и вырастила, как смогла. Вместо трёх лет Таня отсидела в начальной школе шесть — по два года в каждом классе. Бабка требовала учить девочку как положено. Каждое лето Таня пасла гусей и была лучшей гусиной нянькой — все это признавали. Матери ругали своих умных детей. «Куда смотрел?! Не знает он, отчего гусёнок сдох! У Тани-дурочки почему-то не дохнут! У Тани-дурочки собаки не таскают!» И то: не было случая, чтоб Таня потеряла гусёнка. Гуси под Таниным присмотром росли гренадёрами. Груди у них были как у ледоколов. Ни у кого таких гусей не водилось. Гусыни сами парили, и не было года, чтоб бабка с Таней остались без гусей и прибыли. Гусей бабка продавала на трассе. А на еду себе держали нелюбимого поросёнка. Из спецшколы, куда её все-таки определили, Таня-гусятница сбегала. Прошагает зимой тридцать километров в одной лёгкой курточке и только приятно разругается. Умные бы дети заболели и померли. Наконец, бабка Таню пожалела, в школу посылать перестала. Зимой Тани почти не было видно.

Весной же она первой выходила копать огород и вскапывала лучше любого трактора. Потом вылуплялись гуси. Говорят, дураки добрые. Таня и убить могла из-за гусёнка. Как-то её раздражили мальчишки, делавшие вид, будто хотят украсть у Тани птенца. Таня отгоняла их kloкочущими криками, а потом подкараулила зачинщика потехи и крепко-накрепко его избилa: насажала шишек на всю голову, размесила нос. Таня-гусятница была рыжая, здоровенная. Руки-ноги её густо покрывали волосы — пушились даже на лице. Бабка строго следила, чтоб Таню кто-нибудь не испортил. Как Таня пасла гусей, так бабка — саму Таню. Била её для профилактики раз в неделю по четвергам. И вот бабка умерла, не сказать, чтоб нечаянно в семьдесят-то восемь лет. Таня чистила для поминок второе ведро картошки, чужие женщины в это время решали, что с ней делать. Таня беспомощной не была, могла себя обслуживать, пенсию получала. И всё-таки сирота Таня стала большой опасностью и проблемой. Её неизбежно должны были затаскать-заиграть женатые мужики и холостые парни. Женщины смотрели на Таню: дура чистила картошку с безмятежной и безадресной улыбкой. Что правда, то правда — проще простого. И пойдёт она рожать ничьих детей, обязательно на кого-нибудь похожих. Стыда не оберёшься. «Надо ей трубы зашить!» — брякнула грамотная учительница.

— Берите, везите, зашивайте, — съязвила техничка, у которой на Таню были виды.

Летом техничка ловко подсунула Тане своих гусей. Тане ж было без разницы, за чьими гусями ходить. И ещё две соседки навязали Тане по выводку. Никогда ещё у Тани не было столько гусей и счастья! Предчувствия женщин не обманули — вечерами возле Таниной избушки зароилась молодёжь с хохотом, пивом, семечками. Родителям подростки клялись, что просто прикалываются над Таней-гусятницей, а ночевать у неё — ни-ни, никто не остаётся. Саму Таню расспрашивать было бесполезно. Всё ж посматривали. Днём Таня всегда на глазах с гусятами, но поди уследи за ней ночью. «Не голод же, чтоб на Таню зариться», — смеялись мужики.

Таня подтвердила свой статус лучшей гусятницы на свете, и даже с утроенным стадом не потеряла ни одной единицы. Таня голыми руками задушила кота уборщицы за его подозрительные прогулки по забору, а собачку учительницы — почти породистую болонку Бертю, повесила. Собачка бегала вольно, и Тане это не

понравилось. Профилактикой Таня не пренебрегала.

Осенью Таня начала красить губы, а в ноябре стало ясно, что у неё образовалось однозначное пузо. Всё, как по-писаному. Дура-дурой, а нагуляла так, что никто и не заметил, от кого. Техничка прикинулась удвоенно ласковой, прихватила старую вязаную шапку Тане за работу, но так и не разнухала, кто осчастливил рыжую гусятницу. Таня смотрела прямо и лыбилась тупо. Танино пузо было бомбой замедленного, но неизбежного действия. Все замерли в испуге: вот Таня родит, и шарахнет скандал. По домам уже во всю шли разборки, все мужья были под подозрением. «К Тане сходи!» — отмахивались жены от подкатов мужей. «Говорила вам: надо трубы зашить!» — ярилась учительница, злая на Таню вдвойне за собачку. Женщины уговаривали Таню ехать в больницу «для её здоровья», говорили, что Тане сделают лучше, сделают, как было. И вроде уговорили — в декабре Таня пропала. Избушку её топила техничка, заодно прощупывая все углы и щели: не оставила ли бабка какой заначки? Это ж сколько было гусей!

Новый год пришёл и ушёл, оставив одно кислое похмелье и злость на напрасные расходы. Чего пили? Чего ели? С какого счастья? Одни дети радовались каникулам, объезжая и укатывая горки. Двум пацанам пришло на ум сделать горку из кучи над Колиной ямой. Забравшись в Бляхинский огород, дети заглянули в ту самую страшную яму. Яма действительно оказалась страшной. Там лежала полузанесённая снегом Таня-гусятница в красной вязаной шапке технички.

После обеда приехал долго-долгожданный участковый, наружно заливший одеколоном запах недельного перепоя. Встал над ямой и Таней в ней. Доставать Таню из трёхметровой ямы для следственных действий никто не хотел — население отмечало Рождество, светлый Христов праздник. В каждом доме — жареный гусь, а то и два (для чего растили?!). Сосед Бляхиных сослался на перпендикулярный радикулит.

— Пьяная что ли свалилась? — подсказывал участковый. — То есть в состоянии опьянения?

— Пьяная, — согласился сосед, хоть Таня сроду не пила.

Сосед с женой расписались у милиционера в бумажках. Тот отбыл к праздничному столу, приказав похоронить тело, как положено. Учительнице на дом (у неё у одной был телефон) позвонил председатель сельсовета. Распорядился хоронить

пока так, а уж он после праздников оформит и выдаст деньги. Растерянную, недовольную учительницу, назначенную помимо воли быть крайней в этом отвратительном деле, спасла техничка. Взяла пятьсот рублей, пообещав всё устроить в лучшем виде. За две сотни безотказные братья Гавриловы — двое из ларца, как их здесь звали, закидали Таню в яме, рассудив, что доставать тело, чтоб положить его в другую яму (которую ещё поди выкопай в такой мороз) смысла нет. Гавриловы разогрели кострами глину и спихнули её как два бульдозера.

— Бляхин ругаться будет! — вякнул из-за забора наблюдавший за братьями сосед. Любопытство выпрямило его спину.

— Тявкнет — последнюю ногу поломаем, — успокоили братья Гавриловы, не однажды Колю тузившие.

«Узнав», что Таню похоронили не по-человечески, первой заскандалила техничка. Остальные поднялись за ней следом: «Как собаку! Без гроба! Не на кладбище!». Крайними, конечно, оказались Гавриловы. «Сами бы шли и хоронили в праздник за двести рублей! Сами-то гуляли!» — огрызались они. Кругом кричали про Таню, махали руками, рвались копать, устанавливать «хотя бы» крест, выяснять какие-то обстоятельства. Но тут крякнул такой мороз — варежки все до единой захлопнулись и убрались живенько по домам. Желтоглазые дома подняли хвосты дыма. И хвосты эти простояли столбами ровно две недели, пока их не пригнула густая как кутья метель. Техничка бросила топить Танину избушку — никаких зачечек она там не нашла. стакан с водой, поставленный для омовения души покойной гусятницы, промёрз до дна. Захоти Танина душа искупаться, непременно расшибла бы лоб.

Бляхиной осторожно передали, что случилось с Колиной ямой. Женщина ахнула, но Коле по обыкновению не сказала ни слова. Зачем? — возвращаться она не собиралась. Покупателей на дом не было, и быть там не могло. Да и худой был их домишко: гнилой, щелястый. Последние зимы терпения не хватало — по колено мёрзли. А в кочегарке магазина всегда тепло. Коля вот только очень похудел. Тянет его больная нога в могилу. Жалко, только-только пенсию заработал.

Весной в Колином огороде опять образовалась яма — глина над Таней сильно просела. В яму набралась талая вода, да так и осталась стоять, будто её изнутри что подпитывало. Бляхинский огород зарос — Бляхины даже ради огорода не показались.

Техничка мигом сообразила, какое это райское место: сытная огороженная зелень и почти водоём. Впервые за всю историю здешнего гусеводства гуси оказались в своей стихии — в самой настоящей воде.

— Опять Таня за своими любимыми гусятками приглядывает! Как они её почуяли только! — принародно умилилась техничка.

И всем это показалось чудом и знамением, и бог ещё знает, чем. Не прошло и недели, как соседка Бляхиных увидела в серых сумерках белорыжую женщину на краю гусиной лужи. Соседка поклялась: это была Таня-гусятница, вся как живая. И опять все сладко разнюнились и умилились — где гуси, там и Таня, где Таня, там и гуси. Братьев Гавриловых обязали изготовить какой-нибудь крестик, чтоб поставить у Тани где-нибудь в сторонке. За двести рублей Гавриловы сколотили нечто вроде пропеллера.

— Вот зайвится Коля Бляхин, — стращал сосед, — покажет он вам и крестик, и Таню, и гусей, и кузькину мать!

Но Бляхин не являлся. Бляхин лежал в больнице — ему рассверлили сломанную ногу, выкачали из кости гной. Жена втихомолку плакала: пропадает Коля и его пенсия. Но Коля вторым чудом выжил, хоть на ногу совсем уже не мог ступить.

А гуси на луже росли как на дрожжах. Как-то соседку Бляхиных напугал гусиный скандальный гогот. Хоть не её были гуси, но соседка выглянула через забор. На краю лужи сидела незнакомая бабка, черпала негибкой ржавой рукой грязь из лужи, перекладывала грязь в литровую чистую банку. Соседка угрожающе поздоровалась. Бабка не ответила, руку в луже сполоснула, на банку напялила пластмассовую крышку. За огородом бабку поджидал старый оранжевый «Москвич» с дедом в приплюснутой годами кепке. Через два дня нарисовалась вторая машина. Набирали уже двое: мужик и баба. Набрали грязи прямо с зелёным гусиным помётом, перекрестились на Танин кособокий крест, и довольные, отбыли.

— Совсем народ одурел! — поделилась соседка с мужем.

— Каких только дураков не бывает! — согласился он.

А люди всё подъезжали и подъезжали. Техничка ярилась: «Так и гуся украдут — не заметишь». Нет, гусей никто не трогал. К гусям, наоборот, было самое уважительное отношение — каждый гость крошил им щедро хлеба. Возле крестика яичко оставляли, конфетку, печенье. На крест привязывали ленточки. Соседка не удержалась — вступила в разговор с одной визитёршей. Та

ей с удовольствием пояснила, что грязь из лужи очень целебная («второй раз приезжаем»), потому что тут мученица святая померла. Сосед, кстати, не врал участковому, говоря, что у него радикулит — спина и правда у мужика отнималась. Жена его, желая проверить грязь, измазала супругу всю поясницу. И помогло! Подскочил как молодой козлик, как уже не скакал сорок лет.

— А кто кричал: плохая яма, радиация?! Кто в сельсовет писал?! Бляхин, получается, знал про грязь. Вот и копал себе на уме, — сказала в пространство, в котором крутилась техничка с ремонтом, учительница. Она тоже опробовала грязь на своём варикозе. Помогло ещё как! Теперь учительница прикладывала грязь к животу, к самому женскому органу и высчитывала, на какую четверть у неё выпадет декрет.

«Что вы знаете?! — обиделась, виду не подав, техничка, — может это от моих гусей? Может, от Тани? Бог дураков любит».

Уже и на все выходные чужие люди стали к яме приезжать. Поставят за Колиным огородом палатки, обмажутся грязью и сидят как негры на солнышке — лечатся. Никакого проходу ни жителям местным, ни их скотине не стало. На большой иностранной машине приехала как-то Колина жена со своей сестрой-торговкой. Бляхина прав на яму заявлять не стала, только умоляла соседей, как следует смотреть, чтобы чего-нибудь посетители не сломали, не сожгли, не упёрли.

— Как тут уследишь! — охала соседка. — Сто человек в день. Да я к вам сторожем и не нанималась.

Сестра Бляхиной бросала белые куски батона техничкиным гусям — сытым и равнодушным, а сама Бляхина набирала грязи в третью трёхлитровую банку. Грязь ей была нужна лечить совсем плохую Колину ногу.

— Дерьма побольше нагребай, оно тут лечебное, — советовала соседка, — да дома подогрей на плите, чтоб еле терпел. Тогда поможет. Ещё забегает твой Бляхин. Не забыла, поди, как он раньше за тобой с ружьём бегал?

Колина жена кивнула, капнув в грязь своей бесполезной нелекарственной слезой. За ней уже выстроилась очередь, нетерпеливо дзинькая банками.

Председатель сельсовета перестал, наконец, колебаться — набрал заветный номер двоюродного брата, проживавшего в столице, как никому и не снилось.

— Серёжа, — трепеща губами, признался председатель, — я как местная власть тебе первому сообщаю: открылась целебная грязь. Ты её там зарегистрируй, а потом объявим и построим курорт. Я на себе пробовал! На своём собственном полиартрите! Хорошо тебе, раз не знаешь, что такое полиартрит. А я двадцать лет как в скафандре.

Брат Серёжа, сославшись на занятость, обещал прислать к брату председателю своего человечка. Человечек был у председателя через два дня. В таком белом костюме, что глава сельсовета задумался: показать такого человечка в деревне, всё равно, что представить инопланетянина в полный рост. Тем не менее, съездили на яму. «Вот такие у нас больные!» — зыркал по сторонам председатель.

— Там внутри кто-то лежит? — уточнил человек брата, усмехаясь, — за что закопали-то?

— Воля покойной, — тихо вздохнул председатель.

Человечек брата набрал грязи ложкой в беленькую коробочку и улетел назад, отказавшись есть председателю крошку. Чем, конечно, обидел.

Брат не звонил, сердце тревожно металось. Не выдержав, председатель позвонил сам.

— А...это? — зевнул Серёжа, — дерьмо какое-то. Некогда мне. Извини.

— Так ведь помогает! — ахнул председатель.

— Да мажьтесь, кто вам не даёт, хоть с кашей ешьте.

Председатель помялся ещё два дня, а потом поехал к Бляхиной жене. Жена с полчаса поговорила с председателем в его машине (Коле, конечно, ни слова), а потом, через неделю, съездила с ним на часок в одно казённое учреждение.

— Коля! — объявила она мумии мужа, — Коля! Я дом наш продала! Теперь здесь жильё купим, не будем никому в рот заглядывать. Коля!

Коля запустил в жену костылём, и она, отяжелевшая от радости и денег, не успела увильнуть.

Председатель радовался не меньше. Нанятые им Гавриловы починили Бляхинскую баню, худо-бедно подлатали Колин дом, выкопали новую ямку под нужником. И вот уже ходоки на яму ночевали не в палатках, а в гостинице, обмывали с себя грязь не из пластиковой бутылки, а культурно — в бане-сауне. Одно посещение туалета стоило пятак! Ещё больше стало народу

возле Колиной-Таниной-председателевой ямы. Гавриловы тем временем спешно переделывали Бляхинскую летнюю кухню под лавочку. Пиво-водку председатель и так подвозил, но ведь нужны были и «Сникерсы» всякие и лимонады, и вообще ассортимент. Пока больные хаживали в деревенский магазин, а за что ему такое счастье? По вечерам возле ямы звучала музыка. Молодые недомогающие танцевали, повизгивали в темноте. Прямо как в прошлом году возле Таниной избушки — семечки, пиво, обжиманки. Весь Танин крест увешали ленточками-тряпочками.

Техничка попыталась шантажировать председателя своими гусями. Заберу, сказала, и пропадут целебные свойства.

— Это Таня только ради моих гусей старается, — добавила она, — потому что я к ней, святой простоте, всегда добрая была. Кормила её после бабкиной смерти, одевала. А как с ней беда случилась, так на свои деньги хоронила. Кто вот только знал, что Гавриловы без гроба её положат. Им заплачено было.

Председатель на шантаж не поддался. Объявил, что на другой же день здесь будут новые гуси, больше и краше прежних.

— А Таня всяких гусей любила, потому что гусятница была, — срезал он.

Но техничка всё-таки причастилась Таниной славы. Как бы между прочим прохаживалась она возле лужи, как бы между прочим рассказывала болящим:

— Таня, считай, у меня на руках выросла. Родители её бросили, а с бабки старой что возьмёшь? Прибежит ко мне: «Тётя Маша! Тётя Маша!», как не накормить? Такая добрая, такая ласковая девчонка росла. Что ни попросишь — всё сделает. Гусям она как мать была. И язык их понимала гусиный. Запикает гусёнок, она уже по голосу знает, что у него за беда.

— А как она в яму-то свалилась? — спросит чей-нибудь, сырой и солёный от слёз, голос, — что ж не уберегли-то?

— Гусёнок в яму попал, а она, видать, за ним, а оно вон как..., — заплачет и сама техничка.

И всем станет хорошо на сердце от жалости. И никто не всколыхнётся: какие на хрен гусята в декабре?! Смотрели через забор и подсчитывали упущенную прибыль Бляхинские соседи. Если бы они догадались купить у Бляхиной дом, какое бы богатство им в руки поплыло! Но они не догадались. Оба. А Колина жена ещё много раз за грязью приезжала. Только этой грязью и спасали Колину ножку.

Как только Андрей Сивачёв купил выстрадавший джип, так сразу его потянуло совершить на джипе какой-нибудь подвиг. Влезть на Эверест, махнуть прямо по льдинам на Северный полюс. Сильная машина дрожала от нетерпения в городской пробке, рвалась к преодолению препятствий. Как в рекламе: пески, горы, бурелом — всё нипочём. Колёса перемалывают километры, что стальные челюсти. И водитель—победитель устало закуривает, привалившись к капоту. Сивачёв закрыл глаза — перед ним сразу потекла большая река. На изнанке его век она текла постоянно. Андрей засмеялся от вдруг принятого, такого лёгкого решения. К реке он и поедет. Куда только самолётом можно долететь. Да, самолётом-кукурузником, а позже чехословацкой «чебурашкой» он туда и летал в своём детстве. Там, на большой сердитой реке, жила его бабушка. И он там жил четыре года, пока мама с новым отцом не забрали его. Подсчитал и удивился: он не был на реке ровно тридцать лет! И раз так всё удачно округлилось, надо ехать. Там у него живёт (да живёт — куда она денется?) тётка — материна сводная сестра. Старше матери, но вот пыхтит ещё на своей реке. А мать умерла. Ей то одно вырезали, то другое, сокращали бедную женщину как дробь.

Прямо из пробки Андрей позвонил своей даме. Она называла себя Лилией, а в паспорт Сивачёв ей не смотрел. Лиля сидела у маникюрши, реставрировала ноготь на среднем. Сивачёв удивился: «Он что ли памятник, чтоб его реставрировать?» Потом вспомнил: она вчера сломала ноготь, подобрала, обдула, завернула отскочившую красную скорлупку в платочек. Он ещё засмеялся: похоронить что ли хочет. А вот оказалось: реставри-ру-ет. Надо же, не только машины бывают битыми-клееными, но и ногти. Он сообщил Лиле, что уезжает на Реку. Пояснил, что дорога дальняя, а Река холодная, потому с собой он её не зовёт. А про себя подумал: «И нечего лапать своими клееными ногтями моё хорошее, единственное детство».

Сивачёв мигом собрался. Взял лопату, топор (всё ж серьёзно: тайга, река), канистры. Навалил всякой еды, водки разной взял двадцать бутылок на случай тёплой его, Сивачёва, встречи. Купил карту. Дороги в тех местах были. Правда, какие-то пунктирные, но на такой машине это не страшно. Смущала его только переправа. Она тоже была пунктирная. На все сто километров. Какая-то

неуверенность, нечёткость сквозила на северном куске карты. Но Сивачева успокаивали прошедшие тридцать лет. «Уж за такое время, — соображал он, — там всё изменилось. Цивилизация неизбежна».

Андрей Сивачёв хлопнул дверкой джипа и поехал к Реке через одну тысячу триста километров. Первые четыреста километров свистели и пели. А потом середь стройного, рыжего бора дорога пропала, захрустела и заподбрасывала щебёнка. Скорость пришлось убавить, окна задраить. «Отличная дорога, — подбадривал себя и джип Андрей — для таких-то мест». Дорога шла всё бором и бором. К полудню появились лесовозы. Лесовозы поднимали с дороги летучие тучи глинистой пыли и шли с таким интервалом, чтоб пыли было не присесть а только стоять рыжей стеной над дорогой. Джип пилил в пыли как подводная лодка в серых глубинах, только, жаль, без перископа.

Андрей гнал машину без остановок, гнал и гнал на Север. И вот как серебряная награда блеснула его большая Река. Сивачёв съехал с дороги на высокий берег. Здесь была ровная накатанная площадка в бутылках и обёрточной шелухе. Река дышала мощью, слепила гладью. Неслась бешено, но с достоинством. Не река — стихия. Сивачёв восторженно вдохнул и проглотил пригоршню маковой мошкары. Мошкара обволокла его суetyщимся облаком. С этим облаком Андрей проследовал в кусты и вышел, нарастив облачность втрое. «Да что же это! — изумился он, — Откуда они? Да столько! Аномалия какая-то».

Ругая изменившуюся экологию, Сивачёв порулил дальше. В его детстве мошкары не было. Он бы тогда просто не выжил. Через шестнадцать часов после выезда Андрей вкатил в административный центр этой глухомани и остановился возле приплюснутого магазинчика с женским именем во лбу. Там он затребовал минералки и местных примет:

— Деревня Сивачёво, на том берегу, знаете? Я оттуда родом, сам Сивачёв.

— Это далеко, — насторожилась продавщица.

— Ничего, мой вездеход везде пройдёт, — Андрей небрежно мотнул головой в сторону джипа.

— На берег надо ехать. Там переправят. На берег, в Нижнюю Перевалиху.

— Паром ходит? — уточнил Андрей.

Продавщица пунктирно кивнула.

— Бензина с собой возьмите, — пожалела Андрея, вечером бы не ездили, дорога плохая.

Андрей проехал по плохой дороге без малого тысячу километров. До переправы оставалось, если верить карте, всего шестьдесят км. Неужто он отступит? Городок он перемахнул в считанные минуты. Отличная дорога понесла в лес, через семь километров, после указателя «Аэропорт», асфальт уступил дальнейшее расстояние просёлочной коллеге. Сивачев смотрел зорко, чтобы не пропустить через тридцать километров сворот налево. Сворот оказался не через тридцать, а через сорок пять километров. Но это точно был он. Раньше сворачивать было некуда. Разве что в болото, в котором до половины утонули телеграфные столбы — перекладины их были вровень с дорогой. Указателя у поворота не было. В повороте виднелась глубоко нарезанная лесовозная колея и располагавшаяся по-хозяйски ночь, тогда как на просёлке догуливали сумерки. Решив у кого-нибудь спросить, туда ли он едет, Сивачёв свернул. То, что раньше он ругал плохой дорогой, сразу оказалось дорогой хорошей, ибо здесь была сама непроходимость, переходящая местами в непролазность. Джип виновато пополз на брюхе. Вдруг ему навстречу замотал фарами хозяин здешних дорог лесовоз.

— Доеду до Нижней Перевалихи?! — закричал Андрей вверх в лесовозную кабину.

— Доедешь! — ответили ему со смехом. — Только к пленным не сверни.

Через четверть часа Сивачёв добрался до развилки: две дороги расходились кривыми ножками. Где Перевалиха? Что за пленные? На карте такой подлости не было. Была одна пунктирная ветвь. Сивачёв свернул налево и скоро въехал в деревенскую, очень жидкую улицу. Обрадовавшись, что так скоро нашёл Перевалиху, Сивачёв поехал по уличной колее, выглядывая местных. Первый же встречный местный отказался именовать поселение Перевалихой, упёрся, что это Индей. Двое следующих местных подтвердили его слова: Индей, никакой Перевалихи. Более того, о Перевалихе они даже не слышали.

Вы же местные! — изумился Андрей и полез к ним с картой.

Они оказались не местные, а сезонные. Местных тут вообще не было. И Нижней Перевалихи тоже. Наступающая ночь сгущала краски. Сивачёв порулил обратно к развилке — у него оставалась в запасе правая ветка. У правой ветки в темноте стоял человек

в светлой куртке и со светлой головой, будто ждал Сивачёва. Он одной рукой курил, другою двигал мерно, как дворником.

— Доеду до Перевалихи? — напал на него Сивачев.

— Довезёте до сворота? — попросил в ответ светлый человек.

Андрей осмотрел его: не опасен ли? С виду человек был мелкий, но кто его знает...

— Я вас провожу, — подластился пассажир.

Они поехали. Провожатый, рассмотренный водителем, оказался сед, хоть и не стар. На его смуглом, опалённом лице вылинявшие голубые глаза казались почти белыми, какими-то варёными, как у рыбы из ухи. Попутчик показал улыбкой несколько дыр во рту, а рукой, вынырнувшей из просторного рукава — наколку. Рукой он то и дело махал во все стороны, указывая ненужные им свороты.

— Пленные, пленные, это всё пленные, — пояснял белоголовый.

— Ээки что ли? — догадался Сивачёв. В его детстве тоже были ээки. Но пленными их не звали, видно, позже стали.

— Я сам из них. Убийца, — учтиво представился проводник.

Сивачёв промолчал, хоть кожа на нём подобралась в мурашки, и от её съеживания приоткрылся рот. Попутчик со вздохом признался:

— Я прямо как Каин — брата убил. Только брат мой не Авель, а просто нарик был — наркоман. Мать измучил. Она его любила, жалела, отдавала до последнего. Он пенсию за неделю вытаскает, она — по соседкам. Ей уже никто не давал. Гнали, ругали её. А он ждёт, ломает его. Концерт — не то слово. Тогда она ко мне пришла, как-то так особенно заплакала. Я пошел к ней домой и убил его топором. Прокляла меня. За все шесть лет — ни одного письма. Я-то пишу, здоровья ей желаю — всё как положено. А обратно жить не поеду.

— Семья есть? — спросил Сивачёв.

— Там не было, здесь завёл. Не семья пока ещё, одна только женщина. Тоже долгая история...

— Не надо, — попросил Сивачёв. — Историй ваших не надо.

— Стой! — скомандовал Каин.

Ослеплённый светом фар перед машиной замер крупный заяц. Глаза его пусто отражали свет, а тело безвольно застыло, обвисли даже усы. Пассажир вышел из машины, засмеялся над зайцем, заступил свет фар, и заяц, ожив, прыснул прочь, аж кусты вздрогнули как от сохатого.

— Как побежал, а! Видел? Здесь их много, хоть в мешок

собирай. Зимой тропы вытаптывают, что слоны. Всем тут зона, а им — воля.

Убийца ещё долго смеялся над зайцем, над его глупым «лицом», над кучей, которую заяц будто бы навалил с перепуга. Не меньше медвежьей.

— Думает, наверное: «Как я от них сиганул! — не догнали. Вот я чёрт какой бегучий!».

Сивачёв тоже засмеялся. Так смешно этот Каин передразнивал зайца.

За смехом Андрей потерял бдительность, затормозил резко, заметив крест, торчавший прямо из дороги.

— Мост, — успокоил Каин, — дыра там, надо осторожно.

Он вышел из машины, пошёл по мосту к кресту. Таких мостов Сивачёв ещё не встречал, хоть проехал их за день семь-восемь. Через реку были настланы брёвна, под ними кувыркалась дикая, как все эти таежные реки, вода. Справа в мосту был пролом, обозначенный деревянным крестом. Возле креста встал, растопырив руки, Каин. Он согнул шею, показывая направление, и в этом виде оказался страшно похож на распятого Спасителя. Перил у моста не было. Сивачёв проехал по чему-то очень ненадёжному, опасному.

— Ограждение на костры пустили, — пояснил влезший убийца. — Вот тут на горочке и жгут, когда лесовозы караулят. Сейчас меня высади, а там уж прямо и прямо — больше никаких своротов не будет. Километров десять, и Перевалиха.

Они, молча, вползли в неудобную горку. Сивачёву жаль было расставаться с попутчиком. Парень он был весёлый, да и дорогу знал хорошо.

— Счастливо добраться и переправиться! — пожелал Каин, выходя, и вдруг спросил, — ты меня не осуждаешь?

— За что? — удивился Андрей.

— Я ведь брата убил, — напомнил попутчик. — Чего машешь? Не осуждаешь? Вот всегда так — никто не осуждает кроме суда Российской Федерации, да и тот не от души — за деньги. А брат всё равно не отстаёт. Он ведь приходит ко мне, брат! Вот как тебя вижу. И всегда скажет: «Зря ты. По-другому надо было». А как по-другому? Не знаешь? Никто не знает. Я и у самого брата спрашивал: как надо было? Нет, голову воротит и своё бубнит «по-другому, по-другому». Ну, поезжай с богом!

Светлая спина повернула в сторону. Убийца... А с виду такой

простой, хороший. Ночь развела и размазала всю свою чёрную и синюю тушь. Фары испуганно шарили по колее, лес прижимался к дороге, уж слишком близко, подозрительно близко прижимался, как карманник в автобусе. В джиповых ходовых суставах что-то определённо похрустывало. «Разбил машину!» — охнул Сивачев. Стало ещё страшнее, непрогляднее, безнадежнее. «И куда я еду? Есть ли здесь кто? Может, он меня запутал? Сейчас выскочат пленные, выпьют водку, сожрут еду, а меня порубят моим же топором». Шёл третий час ночи. На карту и смотреть не хотелось. Изовралась карта, подвела. Перебежал дорогу заяц — этот в фары не глядел, опытный. Сивачёв обрадовался ему как знакомому. На панели джипа горели циферки, на небе — старейшая навигационная система. Куда-то вела косорылая колея, и надо было ползти по ней дальше. «Когда же кончатся эти десять километров!» — чуть ни заревел Андрей.

И тут они кончились. Показалась рукодельная изгородь, заблестели несколько низких огоньков — самые прекрасные звёзды — звёзды человеческого жилья. Андрей остановил машину, снял руки с руля — они дрожали. В приоткрытое окно полетел гнус и звуки недалёкого девичьего смеха. Сивачёв быстро нашёл очаг этого смеха — на лавочке возле спящего дома сидело несколько подростков.

— Нижняя Перевалиха? — спросил, волнуясь, Андрей.

— Верхняя! — засмеялись на лавочке.

— А где Нижняя? Где пристань?

— Ниже, — ответили ему.

От скамейки отошёл самый смелый отрок, помахал рукой вниз и направо. На лавочке продолжали смеяться, так их рассмешило появление джипа из тайги и ночи.

Андрей покатился вниз. Цепь домов разорвалась ненадолго, а потом, под горкой, опять сомкнулась. Присмотревшись, Андрей понял, что нижние дома нежилые. В них не было стёкол. Из них вышло и развеялось всё нажитое в них тепло. Это, видно, и была Нижняя Перевалиха. Андрей выкатился к Реке. Здесь надо было искать пристань. Пристанью могли быть лишь два вросших в берег, нависших над водой брёвна. На пристань же указывала густая замусоренность прилегающего пространства: в лунном свете блестели тельца стеклянных и пластиковых бутылок, во сне пошевеливалась-лунатила смятая упаковка. Андрей вышел, ступил на брёвна. Река и ночью продолжала свою вечную работу

движения. От Реки и луны было светло, пусто и одиноко как на краю земли. Вдруг под брёвнами кто-то мокро ворохнулся. Андрей увидел в светлой воде недовольную ондатру. Невозможно было представить, чтоб к этим бревнам, к этой ворчливой ондатре причаливал паром.

Сивачёв решил вернуться в Верхнюю Перевалиху, к живым людям и всё там хорошенько расспросить. Молодых уже не было. Но возле зелёной будки под жёлтой лампочкой курил мужик в очках. Это был сторож, он охранял магазин–будку. Он-то и пояснил Андрею, что никакого парома здесь нет, и не было, а людей и их машины переправляют катера–каэски. Можно и лодку нанять, но тогда без машины. Вот только машину сторож не советовал оставлять — «народ не дай бог».

— Мне в Сивачёво надо, у меня родня там, — признался Сивачёв.

— Из Сивачёва тоже катера ходят, — утешил сторож, — сходи к радисту, он родню призовёт. А те уж знают, наверное, кто у них поплывёт.

— Так поздно, — устыдился Сивачёв.

— Какое поздно? Утро. Встают уже. А радист на работе. Ему деньги платят.

Сторож показал, как проехать к радисту. Сивачёв поехал без воодушевления. У радиста точно горел свет. Собака восторженно залаяла. Выполнила, наконец, свой долг. Радист с готовностью вышел, с готовностью вызвался помочь. Вид у него был свежий, утренний, умытый. Сивачёв сел на вмятый диван, боясь уснуть от тепла и покоя, а радист начал настойчиво ворковать:

— Сивачёва, Галя...Галя...ответь Перевалихе. Сивачёва... Галя...Галка...это я, Перевалиха.

Калитка брякнула, собака счастливо взвизгнула на своего. В дом вошёл высокий подросток с поникшей головой. Тут же из глубины дома в него полетел бодрый женский голос:

— А! Нашлялся! Чего пришёл? Там бы и спал! Как жрать да спать, так к маме-папе, а как шляться...

— Тихо! — прикрикнул радист. — Я работаю. У меня задание. Галка? Ты доила что ли? Тут человек к вам добирается. Сивачёв. Откуда я знаю, каких Сивачёвых? Мужчина, кто у вас там родственники?

— Тётя Тоня, — еле ответил Андрей. Так хотел спать.

— Звать её? — тормозил радист.

— Когда катер идеёт, спросите, — совсем сомлел Сивачёв.

— Галка, он спрашивает, будет ли с той стороны катер? Кто-нибудь идёт, знаешь? А...Ну... передам. Нет, сейчас не ходи. Так передай потом, что родственник приехал. Чтоб готовились.

— Часам к одиннадцати подойдёт, не раньше, — объявил радист, — Василь Петрович подойдёт. На берегу ожидайте. Василь Петрович Закомлев. В тельняшке ходит.

Андрею так не хотелось покидать диван, но он встал, поблагодарил радиста за его нелёгкий труд, спросил, сколько должен.

— Что вы?! — ужаснулся радист. — Я на работе, мне платят.

Во второй раз свалился Сивачёв из Верхней Перевалихи в Нижнюю. Встал прямо на брёвна. Светало, но это не мешало глазам слипаться. Подняло Андреевы веки явление — спускавшийся с горки ревучий механизм-мутант. На раму «Белоруса» была наставлена кабина «Запорожца» с трубой. Колёса вращались под разными углами. Самоходка, колдыбаясь, подъехала, выпустила из себя мужика в резиновых броднях и детской бейсболке с губкой Бобом. Мужик забухал прямо к Андреевой машине. Заранее распахнул в улыбке беззубый рот.

— Что? — спросил Андрей, приспустив стекло.

— О, а мы думали ты пьяный, — удивился беззубый, опалив лицо едким перегаром. — Дай соляры, завестись.

Сивачёв отказал. Абориген разочарованно повернулся и залез назад в чрево мутанта. Тот, подёргавшись, завёлся, уполз раскорякой с берега. Андрей уснул.

Утро так полыхнуло солнцем, что Андрей взмок и очнулся от проливного пота. По реке неслись плоты, рядом с джипом стояла машина из породы старых «скорых».

— На тот берег? — спросил у курившего водителя Андрей.

Водитель не шелохнулся. Взгляд его цепко держал подходивший катер, будто присваивая его.

— Я в Сивачёво! — предупредил Сивачёв.

Водитель не отцепился от катера. На катере уже можно было разглядеть толстого, да ещё и в расширявшей его тельняшке, мужика. За катером плыл ржавый противень.

— Здравствуйте! — закричал причаливавшему катеру Андрей, норовя обойти водителя «скорой», — это я хотел плыть в Сивачёво. Вы Василь Петрович?!

Капитан повёл головой, но не повёл и ухом. Из катера выскочил

худой, гнутый как шахматный конь юнец. Вместе с водителем «скорой» они взялись за дело: перекинули с берега на катер поблизости валявшиеся доски, и по ним потащили из «скорой» в катер всякую дрянь: коробки, мешки.

— Василь Петрович! — отчаянно позвал Сивачёв.

— Десять тысяч рейс, — откликнулся, наконец, капитан в тельняшке.

Андрею показалось, что водитель «скорой» недоверчиво улыбается.

— Хорошо, — твёрдо и громко крикнул Сивачёв. — Освобождайте катер!

Капитан опять не повёл ухом — погрузка продолжалась в густом атакующем гнусе. Андреево терпение раздулось как воздушный шар на свадьбе, и он с закипавшей головой ждал, когда шар лопнет и можно будет въехать в морду хоть водиле, хоть этому капитану Врунгелю. Тут нагруженный до пупа катер стал склячивать к берегу свой противень.

— Заезжай, — велел капитан.

— А арбузы?! — в первый раз подал голос водила. Бабий визгливый голос.

— Войдут, — пообещал ему катерист. — Чего уснул? Заезжай! Некогда!

Андрей понял, что заезжать надо ему. На противень. Его почти новому хорошему джипу. И потом по пунктирной сто километров. По воде. А на самом деле ему туда совсем не надо. Тётка чужая ему, бабушка умерла. Десять тысяч дорого. Он бы на эти деньги в Турцию улетел. И вообще он хочет жить, а не тонуть за десять тысяч вместе с машиной за миллион.

— Твою мать! — подбодрил его капитан.

Андрей двинул машину и посадил её на противень как пирожок. Юнга-конь прицепил джип кривой железякой. Водила «скорой» стал закатывать на свободные места желтозадые арбузы. Ради компактности он попинывал их, норовя забить под сивачёвский джип. Снова пронеслись плоты, с которых поприветствовали Василь Петровича кудрявым матерным словом. Водила с юнцом, взяв по дырине, упёрлись ими в противень. Катер потянул корыто с другой стороны. Под Сивачёвым заколебалась вода. Юнга с брёвен прыгнул в катер. И они поплыли. Казалось, джип поехал по воде. По огромной и зыбкой воде.

Сивачёв представлял, что там под ним. Толстая ледяная

глубина. А на дне: машины, арбузы, разбухшие люди. Всё внутри Андрея стянулось к сердцу, которое от такой осады начало биться недовольнее. Машины, мешки, коробки, брёвна, надутые резиновые утопленники. Равнодушные рыбы. Хорошо, что он уснул. И проснулся только от свежих матерков катериста, норовящего ловчее пристать к сивачёвскому берегу.

Коробки и мешки теперь потащили в обратном порядке — из катера в точно такую же «скорую». Сивачёв так и болтался на противне, окружённый со всех сторон арбузными головами. Дошли руки и до арбузов. Круглый приёмщик товара возмутился — арбузы были колотые, с открытыми черепно-мозговыми травмами. Василь Петрович отмахивался: разберут и такие. В драку. Круглый упирал своё брюхо в брюхо капитана: клетчатое в полосатое, напирал. Капитан отталкивал круглого назад. На кого-то этот Круглый был похож. Сивачёв узнал: это был его одноклассник Петя Тиликов по прозвищу Титька. Окликать Титьку Сивачёв не стал. Отложил. Да и Титькина машина отъехала раньше, чем Сивачеву дали отмашку освобождать поддон.

— Десять тысяч! — напомнил капитан.

— Хер тебе на рыло! — раздался сбоку здравомыслящий голос.

Незаметно, но как раз вовремя подошла тётя Тоня — похожая на мать-покойницу женщина. Только морщины на ней оказались рубленные, а на матери, Андрей помнил, были мягкие, мятые.

— Пять, — обрубил тетку, не глядя ещё на племянника.

— Так я ж в оба конца, — завилял капитан, — ему ж ещё назад плыть. Здесь же не останется.

— Не твое дело. Не один ты ходишь, — тётка держалась как железная Маргарет Тэтчер.

— Здравствуй, тётя Тонь! — отжал из себя всю родственную радость племянник, — не ждали такого сюрприза?

— От сюрпризов толку нет, — не смягчилась тётка, — сказал бы заранее, я б тебе заказы сделала. Куры начисто вынеслись, выродились. Одно-два яйца в неделю — куда это? А жрут. Так бы свежих цыпущек купил хоть с десятка. Аппарат лечебный заказала бы. Тут у нас докторов нет, а все больные. У тебя с собой нет?

— Чего? — растерялся Андрей.

— Аппарата лечебного. На магните работает. Все болезни снимает. По телевизору передают про него.

— Нету, — признался Сивачев. — Я водки хорошей привёз.

Водка теперь вся вредная стала, палёная, — авторитетно

пояснила тётя Тоня. — Я своим мужикам и нюхать не беру. Отравятся ещё. Пусть самогонку пьют. Свою, домашнюю.

Андрей еле уговорил тётку ехать на машине — она норовила добежать. И добежала бы. Тётка была крепка как лиственничное бревно.

— Давно у вас мошкара развелась? — спросил Сивачёв.

— Отроду, — удивилась тётка и посмотрела на племянника искоса: всё ли с ним в порядке?

Пока ехали, Андреево сердце разнылось от радости узнавания: берег, будки для моторов наподобие нужников, туши сохнувших лодок, натянутые сети, горка, с которой зимой пацанами не слазили. Сивачёво как и Перевалиха делилось на верх и низ. И также, как в Перевалихе, внизу жизнь прекратилась. Ожидая затопления, оставшиеся жители вползли на гору. Тёти Тонин дом, как знал, стоял на горе. Вышли встречать люди: тёти Тонин муж дядя Коля, незнакомый мужик и бабка.

— Приехал! — заблажил дядя Коля, как будто ждал—дождаться не мог Андрея, — На мать похож! — огласил результат генетической экспертизы, немедленно им проведённой.

Всё, даже тётя Тоня, заулыбались. Зубов ни у кого не было. Дядя Коля с мужиком изъявили желание осмотреть Андрееву машину, а тётя Тоня с бабкой пошли накрывать.

— Ты не помнишь его что ли? — кивнул дядя Коля на мужика, — это же наша родня дальняя, он тебе будет... — тут дядя Коля задумался, — родня, короче, будет. Дядя Миша. С бабушкиной стороны.

Позвали к столу. Стояла рыба малосольная и солёная с душком, рыба сушёная и подвяленная, рыба жареная и рыба варёная. Картошка тоже была в шести-семи ипостасях. Андрей вцепился в свою опасную водку, опасаясь полезной самогонки. Выпил и закусил малосольной рыбкой. Родня ждала рассказов, и Андрей, не скупясь, начал:

— ... Кругом одни свороты, ночь, никто ничего не знает — какой-то Индей-Мандей, если бы не этот пленный не доехал бы, — старался Андрей.

— Батюшка наш Иисус Христос, — умильно и сразу рясно заплакала старушка, — ходит он, хо-о-одит, жалеет нас грешных.

— Крёстная моя, баба Маня, — представил бабку дядя Коля, — из ума выжила, держим её вместо Райкина. Телевизора не надо. Какой тебе Христос?! — повернулся крестник к бабке, — совсем

одурела?! Тебе говорят: мать убил и брата. Где ты тут Христа нашла?

Андрей удивился: мать-то тут причём? Брата ж только, наркомана. Но поправлять не стал.

— А он проверяет, — упёрлась старуха, — нас испытывает. Понарошку скажет: убил, а сам посмотрит.

— Чё тут смотреть? — оборвал дядя Коля, — убил — в тюрьму. А лучше расстрелять. Дешевле.

Андрей начал рассказывать про хорошего радиста.

— Максим?! — захохотал дядя Коля, — так он тоже тут сидел.

— Убил кого-то? — растерялся Сивачёв.

— А то. И не одного — двух или трёх. Такому это запросто. Что два пальца...

Андрей помолчал как рыба, которую он ел.

— Одноклассника своего видел, Тиликова, — осторожно завёл новый разговор, боясь услышать, что Тиликов — серийный маньяк похлеще радиста.

— А, жадормота этого... — многозначительно хмыкнул дядя. И это оказалась лучшая на сегодняшний день характеристика.

— А про Сашку Кузнецова что-нибудь слышно? Он ведь подводник вроде? — вспомнил ещё одного забытого друга детства Сивачёв.

— Утонул на «Курске», — мрачно сообщил дядька.

— Так разве Сашка..., — усомнилась было тётя Тоня.

— На «Курске», — повторил дядя Коля сурово, — по всем каналам передавали.

Сама собой повисла необъявленная минута скорбного молчания.

— Надо к матери его сходить, — промямлил Сивачёв. — Они же тут живут?

— Нечего делать! — пресёк порыв дядя. — Его дело такое — тонуть. Ему за это деньги платили.

— Успокой, Господи, душу, — сладко забормотала баба Маня, как все старухи, приятно оживающая от чужой смерти.

— Ты ешь, Миша, ешь, — обратилась тётя Тоня к дальнему и молчаливому родственнику. — Совсем ничего не съел.

— Это я только червя накормил. Сейчас для себя есть буду, — заверил дядя Миша.

— От рыбы, — пояснил племяннику дядя Коля, — черви от рыбы заводятся. Рыба вся кругом заразная. Если недоварил

или недосолил — червяк готов. А травить его — целая наука. Медицина тут бессильна.

— Я вот как травил! — оживлённо перебил дядя Миша, — я сначала мужского папоротника запарил, его принял, а потом — постного масла стакан, чтоб кишки смазать. Ему ухватиться не за что, вот и вышел. Спиртом ещё травят, керосином. Но без масла толку не будет, как ни трави. Смазка нужна.

— Яйцо надо тухлое выпить, — подсказала баба Маня. — Болтуна из-под парушки.

Сивачёв смотрел на малосольную рыбу, которую он только что с аппетитом кушал. В животе его, показалось, кто-то уже заворочался.

— Бабушкин дом ещё стоит? — с надеждой спросил он.

— Что ему будет? — махнул рукой дядя Коля (в руке блеснул свежепосоленный рыбий хвост), — картошку там садим. Фазенда!

— Надо съездить, — встал из-за стола Андрей.

— Завтра на кладбище сходим, блинов напеку, — пообещала тётя Тоня, — бабушка наверху лежит, на горочке, как в перине. А деда твой внизу. Там ищи. Не обессудь, что оградка не крашена. Без здоровья живём. Что с нас взять, с пенсионеров? — На краску нету, хватило бы на соль.

Андрей поехал к бабушке. Машина его привлекала внимание. Незнакомый дед бросился наперерез.

— Рыбу будешь брать? Ягоду? Картошка молодая? — зачастил он, как только Андрей спустил стекло. Дедов язык сочно прищёпывал. Зубов, как тут повелось, не было.

— У него дорого! У меня бери!

— У меня!!! Крупная!!!

Со всех сторон бросались на джип, как под танк, сивачёвцы...

Андрей удивился: бабушкин дом стал вдвое меньше. Время, получается, съедает пространство. Час как червь точит сантиметры-метры. У Андрея был ключ от старого замка с отверстием похожим на значок женской уборной. Он торопился отпереть дом, ожидая, что под замком-то уж точно что-то сохранилось. В доме было низко, пыльно, серо. Пахнуло дешёвым куревом и рыбой. Под потолком висели окуни, нанизанные на проволоку. Один окунь упал, его уже почти доели мыши. Андрей прошёл за печь — на полке стояла бутылка с мутной самогонной жидкостью, в тряпочке, Андрей заглянул, лежало копчёное сало.

Ни бабушкиного духу, ни, тем более, его собственного, детского не было.

На кладбище, продираясь сквозь сухую в пояс траву, Андрей долго искал дедову могилу. Мать его и тётя Тоня были от разных отцов. Хотя обе Сивачёвы. И Андрею досталась эта фамилия — фамилии отцов: настоящего и двух других дополнительных к нему не прилипли. Здесь, на кладбище наверняка лежала куча Сивачёвых, но который был его дед, Андрей не разобрал. Остановился у пирамидки со звездой и бельмом вместо фотографии. Показалось, что эту звезду он помнит. Большая, крупней остальных. Дед был председателем сивачёвского сельсовета. Не мог он лежать под мелкой звездой. Да и оградка, как предупреждала тётка, была давным-давно некрашенная. Живого деда Андрей не застал — попал на Реку, когда над дедом уже взошла жестяная звезда. Тут Сивачёв сообразил, что дедов вечный покой не такой уж и вечный. ГЭС уже достраивают, низы зальёт вода, недаром же, все отселились на горки, значит, и дед поплывёт. Андрей посмотрел кругом: все они поплывут. «Выкопать и перенести наверх, к бабушке!» — осенило Андрея. И сразу у его глупой поездки, заключавшейся в хвастовстве новой машиной, появилась хорошая и даже отчасти святая цель.

Сивачев покатил обратно в гору. В нём было так много грусти и жалости — чуть пьяной, конечно, что он решил заехать к родителям Сашки Кузнецова — утонувшего подводника. Сашкину мать он не узнал, переспросил, она ли? Женщина подтвердила, буравя Андрея заострившимися от тревоги глазами. В лице её уже была врождённая готовность к любому горю, хоть даже к войне: сжатые брови, опущенный рот, беспросветные глаза. Чуть ни бежал из огорода дед, видно, Сашкин отец. Сдерживали его хлопающие калоши. На ходу он раскатывал рукава байковой рубахи.

— Только сегодня узнал, что с Сашкой случилось, растерялся Андрей, — я Сивачёв...

Женщина закричала, замахала руками. Мужик бросился к ней, бормоча: «Мать, мать, мать. Чего ты раньше времени! Сядь, мать».

— Давай бумагу! Чтоб печать синяя была! — заорал дед на Сивачёва, держа обмякшую бабку свою в крепкой охапке. — Синюю давай, круглую!!!

— Я — Андрей Сивачёв, Сашин одноклассник, бабы Нюрин

внук. Я сегодня приехал. Мне дядя Коля сказал, что Сашка на «Курске» служил. Я думал...

— В манду твоего дядю с Курском! Сашка в Индийском океане на «Курчатове». В автономке. Не знаешь, так губами не шлёпай. Мать, издит он! Не знает он Сашку.

Дед уволок стонущую бабку во двор и в дом. Захлопали двери, а Сивачёв захлопал чуть ни лопнувшими от стыда глазами.

Провокатора дяди Коли дома не было. Вместе с червивым дядей Мишей уплыл он проверять сети. А тётка управлялась: кормила скотину, желая ей лопнуть, треснуть, провалиться к чертям собачьим. Скотина хрюкала, визжала, гоготала, мыкала — неслась песнь торжествующего животноводства. На крылечке сидела баба Маня с подсолнухом в руках, в нимбе из мошкары. Впрочем, мошкара суежилась над ней без особого аппетита.

— Как там моя дочь в Перевалихе живёт? — спросила баба Маня у подсевшего к ней Андрея.

— Не знаю, — удивился он, — я ж её не видел. — И добавил, — ночь была.

— А зятя видел? — пристала бабка, — зять машины собирает, а люди, нет бы, денег дать, поят. Споели уже, наверное. Зимой, как Река встанет, к дочери поеду. Если зять не выгонит.

— Зятя видел! — догадался Сивачев, — если он машины собирает, то видел. Беззубый?

— Лысый он, — уточнила бабка. — Пьяный был?

Сивачёв утешил старушку:

— Не, не пьяный. С похмелья.

Баба Маня принялась раскачиваться со стороны в сторону, что должно было означать осуждение зятя. Андрей разглядывал черёмуху — листья её кое-где пожелтели, издали казалось, на черёмухе растут лимоны.

— Бегу, бегу! — выскочил из-за угла дома раньше своей хозяйки радостный голос. — Где там мой однокашник?!

Андрей встал и грудью встретил бросившуюся на него низкорослую женщину. Руки её жали Андрееву спину, шарили по ней и егозили. По груди Сивачева каталось лицо, моча слезами орла на футболке. Оно, лицо это, ещё и тушь размазало от крыла до крыла. Оторвавшись, гостя допрыгнула до Андреева подбородка и чмокнула в него, так собаки лизнут любимого хозяина.

— Не забыл Ленку Дудину! — радостно провозгласила коротышка.

— Не забыл, — смог подтвердить Сивачёв.

Память завертелась в голове, заглядывала там во все двери, выдвигала ящики и сметала хлам с полок, но Ленки Дудиной не находила.

— Садись, — пригласила Ленка и села.

Сразу высоко оголились её сосисчатые ноги в сиреневых носках и пластмассовых шлёпанцах в тон. Под розовой кофтой прошлась туда-сюда, вверх-вниз ничем не стеснённая грудь. Бабка Маня подвинулась, но не ушла.

— Как живёшь? Женат? — приступила Ленка.

Передние зубы у неё были, что выгодно отличало женщину от прочих сивачёвцев. Андрей пожал плечами. Можно было понять: так себе живу, так себе женат. Незнакомка Дудина огладила свои ноги. Над левой коленкой блеснула рыба, в рубль, чешуина. Сивачёв уставился на неё, гадая: отвалится — нет? Вдруг Ленка Дудина — русалка, небрежно почистившая свой хвост? Он представил: вот она вылезает на берег, берёт нож и чистит с хвоста чешую, словно обыкновенная женщина, бреющая ноги. Потом размыкает свой хвост надвое, прячет плавники в сиреневые шлёпанцы и идёт завлекать мужиков.

— Одна-а-а..., — распевала Ленка Дудина о своей судьбе.

Бабка Маня раскачивалась — осуждала теперь уже Ленку. Сивачев хотел пройти в дом, но не мог — засада сидела крепко.

— Пойдём ко мне, — предложила Дудина, — чаю попьём, — и она опять огладила свой разделённый на две ноги хвост.

— Я спать хочу, — признался Андрей, — я с дороги. Всю ночь не спал.

— Так у меня и поспишь, — повела ногами Дудина.

Баба Маня изобразила лицом «А я ничего не слышала, никому ничего не скажу». Сразу стало ясно: скажет, ещё как и сколько!

— Тётка обидится, — юльнул Сивачев.

— Чего ей обижаться? Мы ж однокашники, наше дело молодое! — захохотала Ленка.

— Устал, — отбивался Андрей от русалки-Ленки.

— Ладно, проводи меня, — встала она тяжело, вздыхая не легче. — Твоя машина? — показала на джип.

Сивачёв кивнул. Ленка тоже кивнула, убедившись в Сивачёвской кредитоспособности.

— У меня два пацана. Старшего надо в училище собирать. В город поедет. Займи пять тысяч.

— Не могу, — отказал Сивачёв, — я деда приехал выкапывать. Расходы. Людям заплатить. Новый гроб там, или ящик какой, памятник, ограда.

— На хрен тебе сдался этот дед?! От него уже и червей не осталось! — ахнула Дудина. — Ты о детях подумай!

Ленка удалилась, цепляя на ходу ногой ногу — хвост срастался. Сивачёв о Ленкиных детях думать не хотел. Он пошёл спать. Сон закачал его как ржавый противень. «Плашкоут!» — вызвалось из памяти слово. Ночью, часа в два, завизжал дяди Колин мотоцикл. Тётка с дядькой взялись потрошить и солить пойманную рыбу. Хоть и без всякого здоровья.

— Не знаете каких-нибудь бичей, нанять деда выкопать? — спросил Сивачёв за обедом.

— Чего?! — взвыл дядя Коля, — какого ещё деда?!

— Своего, не чужого, а надо бы всех. Затопит же их. Не стыдно будет с берега на гробы дедовские смотреть? — поддел Андрей, злой на дядьку ещё за вчерашний «Курск».

— Так ты их выкопать предлагаешь?! — дядя Коля тоже сердился.

— Предлагаю, — заявил племянник. — Взять лопаты и выкопать всех нижних. — Как картошку?! Покойников наших?!

— Грех-то какой! Грех! Грех вам! — запричитала баба Маня. — Вечный покой им. Вечный покой.

— Земля пухом, — вставила тётка Тоня.

Дядя Коля уставился на Сивачёва с немым вопросом: «Ну?!»

— А по воде костям плавать не грех?! Это так вы вечный покой понимаете?! — Андрей встал, — а я у попа спрошу, грех или не грех, — вдруг пригрозил он.

— Иди, спроси! Попов тут нету! — ткнулись ему в спину дядькины крики.

Андрей завёл джип, хоть и поклялся беречь соляру, поехал, выглядывая магазин с Петькой Тиликовым. Магазин был один, нашёлся скоро. Называлось заведение «Доминика». В магазине точно был Титька, мигом сообразивший, что торговле на сегодня конец. Поехали к Титьке домой.

— Магазин у тебя интересно называется... — удивился Сивачёв.

— В честь дочери, ничего интересного, — отмахнулся Титька.

— У тебя дочь Доминика? — не поверил Андрей, — где это вы выкопали такое имя?

— Жена называла. А выкопала в телевизоре. Где ещё? Сериалы там всякие, — Тиликов вздохнул.

Возле Петькиного дома на убитой земле прыгала та самая Доминика — рыжеватая, веснушчатая девчонка с ободранными коленками. Она играла в классики, стараясь не задеть воображённые ею линии. На машину она глянула мельком, одним взмахом раскосых глаз быстрого речного цвета.

— Одна дочка у тебя? — спросил Петьку Сивачёв, вынимая из дорожных запасов три бутылки на встречу.

— Две, — помрачнел Тиликов, — старшая замуж вышла, уехала. Титькиной жены дома не было — уплыла на острова за ягодой. Петька сам накрывал на стол, приговаривая:

— Сырокопчёнка, подсохла немного, но так даже лучше. Дозрела, букет раскрылся. Шпроты. И зачем я только их завёз? Ни одна зараза не купила. А просили: привези, Петя! Списать пришлось. Но они хорошие, не бойся, никто ещё не умер. Сыр на хлеб мазать. Дочка любит. А эти не жрут. Не понимают вкуса. Тоже вот, списал две из шести. Арбуз. От сладости лопнул, ешь прямо ложкой, хлебай как я.

От арбуза несло откровенной бражкой. Сивачев хлебать отказался. Титька вздохнул:

— А я ем. Куда-то надо ж это девать. Не выбрасывать же. Моя уже варить разучилась. Куда тут варить, когда просрочку доедать надо! Она ещё и пилит: не смог продать — жри. Всё правильно, бизнес есть бизнес. Ты колбасу-то ешь, она сейчас в самом соку.

Сивачёв куснул твёрдый жирный ломтик. Вкус был кисловатый. А Титька смело хлебал арбуз, чавкал даже. С едой к нему в голову поступила мысль:

— Это не ты мне все арбузы своим джипом передавил? Твоя машина на каэске была?

Андрей рассказал о погрузке, о тощем водиле, пинавшем арбузы.

— Наёмный человек, пролетарий, — отмахнулся Тиликов, — Но ты-то куда смотрел?!

— Я ж не знал, что это твои арбузы, — оправдывался Андрей.

— В салон надо было взять, - гундел безутешный бизнесмен Титька. — На сиденье положить.

— У тебя на нижнем кладбище кто-нибудь похоронен? —

перебил Тиликова Андрей.

Тиликов зажевал быстрее — так он думал.

— Бабка по отцу, её брат дед Кузьма...

— Так вот все они утонут! — перебил Сивачёв. — Выкапывать надо, переносить на гору! Не понимаю, чего вы тут сидите, кого ждёте?!

Петька трогательно-сине глянул на Андрея и повторил, как сговорившись с бабой Маней:

— Грех ведь...

Тут Сивачёв лопнул от злости. И про гробы плавающие кричал, и про черепа, на берег выброшенные, и про кости, перемолотые турбинами ГЭС. И всё это из-за Петьки, дяди Коли и подобных им потомочков!

Петька Тиликов виновато мычал. Сивачёв потребовал проводить его к местному радисту, чтоб дозвониться до какого-нибудь попа. Провожать пришлось недолго — радистка Галка жила в доме напротив.

— Попа? Где ж я вам возьму попа? — закапризничала она, — если бы больница, милиция или какое-нибудь учреждение..., — взялась она перечислять.

— Поп тоже учреждение, — перебил Сивачёв, — духовное учреждение в одном лице. А не знаете, так и скажите. Свяжите меня с Максимом из Перевалихи.

Радистка связала. Раздался спокойный, внимательный голос Максима (и не скажешь, что из пленных. Как тут всё перепуталось! — пленные как люди, а люди как ... Титька). Сивачев, заплетаясь в мыслях и словах, изложил свою просьбу: найти какого-нибудь попа и получить от него разрешение выкопать всех нижних покойников или, «если эти черти не захотят», хотя бы одного Сивачёвского деда.

— Черти — это кто? — осторожно уточнил Максим, — нижние покойники?

— Родственники их долбанные! — закричал Сивачев, — Тиликовы всякие!

— А я чё? Я чё, против что ли? — струсил Петька, топыривший рядом уши.

Максим проговорил-повторил задание: «Найти попа, чтоб разрешил родственникам перезахоронить покойников с нижнего Сивачёвского кладбища. Так? Или отдельно деда Сивачёва. Так?»

И узнать мнение попа насчёт греха. Так?». Сивачёв порадовался единственному нормальному человеку. Единственному на двух берегах. Пошли с Петькой назад.

— Кто такая Ленка Дудина? — вспомнил вчерашнюю русалку Сивачёв.

— Блядь, — просто пояснил Тиликов.

— А говорит, одноклассница наша.

— Не, на год моложе, — авторитетно заявил Тиликов, — твой дядя Коля сегодня в магазине рассказывал, у Ленки от тебя ребёнок. Старший который. Что она с тебя вчера алименты требовала за шестнадцать лет.

— Ребёнок?! Мне ж двенадцать лет было, когда меня мать забрала! — заорал на Петьку Сивачёв.

— Да понятно-понятно, — осенило Петьку, — в двенадцать лет ты не мог. Технически!

Снова сели к просроченному столу, Сивачёв уже пил и ел без страха и упрёка, жаловался на дядю Колю. То у него Сашка утонул, то Ленка родила, то пленный брата с матерью убил.

— А мать живая! Письма шесть лет пишет! — горячился Сивачёв.

— Это он прибавляет, — разъяснял Титька дяди Колину философию, — ему так интереснее. Но жизнь всё равно знает. Одного брата убить, бывает, и мало. Обычно это с матерью делается. Подводники они тоже... они тонут, не сегодня так завтра. А Ленка, может, потом от тебя родила. Позже.

— Да я не был здесь тридцать лет! — ахнул Сивачёв.

— Тридцать лет? — уцепился за спасательный круг круглой даты Титька, — Надо за это выпить!

Выпили и закусили арбузом. И ещё. Потом приплыла Петькина жена — тощая, с золотыми зубами и ведром неразборчивой ягоды. Жена ядовито оглядела застолье. И только тогда еда окончательно испортилась.

— Пелевалиха вызывает! — закричала Доминика.

— Удалось связаться с отцом Сергием, настоятелем Успенского храма в Петропавловске. Отец Сергей говорит, что греха в перезахоронении нет. Смысла тоже нет. Он недавно выпивал во славу божью красненького с главой районной администрации, так тот ему по секрету сказал, что уровень водохранилища ожидается выше запланированного. Слышите меня? Выше. Затопит не только нижнюю часть, но и верхнюю. Сивачёво наверху тоже затопит. И Верхнюю Перевалиху нашу. Батюшка просил его не

выдавать. Не поднимать панику среди населения.

— .издец! — выругался Сивачёв.

— Точно, — подтвердил Максим, — только батюшку не выдавайте. Всё равно, что на исповеди узнал.

Сивачёв отмахнулся от Титьки, приглашавшего продолжить застолье, пошёл к машине, волоча ногами как раненый.

— Стой! — скомандовал Петька, — ещё о делах не поговорили. А дела нехорошие. Я деверю должен шестьдесят тысяч — он мне на открытие давал. Он сам из лесных. Они здесь хозяйничают.

— Отвали, — велел Сивачёв, норовя оглоушить Петьку дверцей.

— Займи! — очень жалобно и трезво попросил Петька, — а то меня убьют.

— Вот это правильно, а то дядя Коля скучает, — захохотал Сивачев. — И одного тебя мало убить. С мамашей интереснее. Есть у тебя мамаша?

Дядя Коля во дворе чинил тротуар, менял прогнившую доску на свежую. Свежая доска была шире. Дядя Коля её бережно подстругивал.

— Дядя Колечка! — восхитился племянник, — строгают досочку! Ножками топ-топ. А водичка — буль-буль. И всех затопит! И нижних, и верхних. Поп сказал: аминь! А ему глава района по пьянке. Всех затопит. Ну и хрен с вами!

Сивачев захохотал, глядя на онемевшую родню (у бабы Мани изо рта высыпалась чёрная подсолнечная шелуха, которую старуха мусолила дёснами за неимением зубов). Вернулся в машину и поехал ночевать в бабушкин дом.

— Нажрался! — пояснил дядя Коля жене и крёстной, — к своей подался!

Сивачев в другой раз отпер старый дом. Ничего не изменилось — дом был всё тот же — отталкивающе убогий, пропахший дядей Колей. Сивачёв содрал с проволоки сухого как лист окуня, расцарапав руку плавником. Отшвырнул рыбёшку, а потом ещё и запнул её под разложившийся от ветхости комкастый диван. Кроме дивана спать было не на чем. Сивачев вернулся в машину. Он уставился через стекло на дом, но кроме этой развалюхи ничего у глаз не вставало. Не оживала бабушка, не оживал он сам. Те двое выгорели, как фотографии на кладбищенских памятниках. Остались одни бельма. И, если зажмуриться, Река на изнанке глаз.

Всё-таки он улёгся на диване. Диван давил его и мял. Спать

было неудобно. Да ещё бабушка жарко натопила печь, стряпала, наверное. Вот она вышла из-за печки. Андрей замер, помня, что бабушка его — покойница. Покойница сама смущалась. Отворачивала лицо, прятала его под козырьком белого платка. Андрей боялся, что она ненароком покажет лицо, но чувствовал, что и бабушка этого не хочет. Словно они оба знают о какой-то жути, произошедшей с лицом, и договорились её скрывать. Бабушка распахнула дверь, встала на пороге в беловатом свете. Сивачёв видел её спину в задранной на поясе кофте — кофту утянули вверх сутулые плечи.

— Тип-тип-тип-тип, — еле слышно запищала бабушка Нюра.

Больше она не пошевелилась, только пищала как комар: пи-ти-ти-тип. Андрея потянуло вон, прочь, на улицу. В избушке вдруг закончился воздух. Надо было миновать вставшую в дверях бабушку, её спрятанное платком лицо. Андрей нацелился проскочить боком, но замер у бабушки за спиной. Перед домом летела сильная, чёрная вода. Бабушка крошила в воду зёрна или крошки — не разобрать. Кормила реку, как своих цыплят. И всё попискивала: ти-ти, пи-пи...

— Ти-ти-пи-пи, ти-ти-пи-пи, — пикала негромкая, но всё-таки разбудившая Андрея птица.

Он очнулся в машине — дома не было, ничего не было. Один кипящий туман. Показалось, Река захватнически вышла из берегов и оккупировала Сивачёво — Верхнее и Нижнее, а на том берегу — Верхнюю и Нижнюю Перевалиху. Напала на сонных на слабом раннем рассвете.

Андрей хотел было уехать, но не посмел тронуться с места, не посмел потревожить серое утреннее дыхание тёплой летней земли. Андрей думал, что значит его сон. И додумался: он здесь чужой, ему надо проваливать, не беспокоя ни живых, ни мёртвых. Река кормила бабушку, и бабушка должна накормить собой Реку. Вспомнил он утонувшего бабушкиного племянника Сёму. Сёма был говорун и хохотун, выпал из лодки в ватнике, в сапогах — утянула, утопила его одежда. Бабушка только и сказала: «Что ж, на реке живём, от реки и помирать должны». Никто не плакал над Сёмой, даже мать.

Сивачёв решил узнать у Тиликова про катер. Своим ничего пока не сказал. И они молчали, уважая человека в загуле. Петькин магазин был заперт, возле него галдели две тётки.

— Не откроет! — кричала одна. — Убили его!

— А жена?! — не соглашалась другая, — жена осталась, откроет. Ей сейчас прибыль надо на похороны.

Андрей хотел спросить тёток, о чём это они спорят, но решил не вступать в интересную жизненную историю. В Титькином доме на Сивачёва набросилась зубастая жена, имени которой он так вчера и не узнал. Жена стучала металлом во рту:

— Дождался?! Радуйся!!! Из-за тебя, козла, Петьку забрали!!!

Всё-таки Сивачёв вляпался в эту историю. Ночью к Петьке Тиликову явился деверь со своими лесными братьями и забрал Петьку на дальнюю лесопилку. Титькиной жене было велено до обеда собрать долг с процентами — сто тысяч, иначе «Титька не жилец».

— Я-то тут причём?! — оторопел Сивачев. — Почему я-то козёл?!

— Занять трудно было?! — орала на Андрея Петькина жена, — он же просил! Ради дочери! Ради всего святого! Сам вон на машине, а Петьку убили. Чтоб тебя с твоей машиной пополам разорвало!

Выяснилось: Титькины кредиторы решили трясти Титьку, потому что «у него крутые друзья на крутых тачках, у которых полно бабок. Ну, так пусть займут Титьке, а им ждаться надоело».

— Он говорил, что брату твоему должен! — вспомнил Сивачёв, — не будет же твой брат родню убивать?

— Деньги не роднятся, — отмахнулась жена. — Всех убивают, а он что, особенный?

— Так в милицию иди, — наставил на путь Сивачёв.

Петькина жена засмеялась припадочным смехом, зашлась им и, наконец, подавилась. Денег у неё тоже не было. И товар до обеда она успеет только раздать, но никак не продать. Да и товару там тысяч на тридцать.

Сивачёв вернулся за машиной, расспросил у дяди Коли как добраться до дальней лесопилки и поехал туда с неясной целью и планом. По пути ему показалось, что его нагло разводят. Что всё подстроено самим Петькой. Тем не менее, Сивачёв всё дальше углублялся в лес и в эту наитупейшую историю. Лесопилка была на месте старой зоны. В зоне сидел пленный Петька — никто Сивачеву. Полное никто. Четыре года в одном классе на разных рядах, не то что партах. Сивачёв проехал под поднятым шлагбаумом. Этот оказался первым. Второй, чуть дальше, был опущен. Поодаль стоял вагончик на сваях: глухая обшитая

коробочка и маленькое окошко с прицельным выражением. Сивачёв посигналил: пи-пи-пи-ти! По трапу, сотрясая его, сошёл крупный парняга с голыми мощными руками. На его широком торсе еле сидел кургузый жилет. Карманы штанов топырились во все стороны, заставляя задуматься об их содержимом.

— Тиликова давай! — приказал парняге Сивачёв.

— А то чё? — уточнил парняга, улыбаясь без верхнего резца слева.

Сивачёв медленно достал трубку — заурядный мобильник, но Андрей понадеялся на дикость собеседника.

— У меня спутниковый телефон, — покачал трубкой Сивачёв, — в телефоне — номер начальника ГУВД края. Он мой друг. — У Сивачёва действительно был сотовый номер гувдэшника, случайно подцепленный на какой-то косвенной пьянке. Было это давно, позвонить так и не пришлось. — Если вы сейчас не отпустите Тиликова, я наберу Шурика, то есть Александра Петровича. Он вышлет вертолёт с омовцами, и от вашей лесопилки останутся одни опилки. Если вдруг не дозвонюсь, — Сивачёв боднул паренька взглядом, — дозвонится Максим. Номер я оставил.

Паренёк сплюнул (раз в десятый уже) и повернул восвояси. Из вагончика навстречу ему спустились ещё двое: круглый в кожаной куртке и длинный в джинсовой. Троица на бис прослушала повтор Андреева выступления, по очереди и хором сплевывая. Так они метили территорию по обычаю современных самцов. Не сказав ни слова, хозяева лесопилки удалились за вагончик, откуда погода с грохотом выполз настоящий БТР. Боевая машина, калеча кусты, объехала шлагбаум, Андреев джип и удалилась в грохоте и треске. Сивачёв расценил этот маневр как капитуляцию. Оставалось найти Титьку или его труп. Сивачёв ещё раз посигналил: ти-ти-пи-пи! Ти-ти-пи-пи! Дверь вагончика неуверенно разожмурилась, показался Петька Тиликов. Озираясь и чуть ли не приседая, он бросился к сивачёвской машине. Под шлагбаумом Петька постыдно прополз на карачках.

— Деньги привёз? Отдал им? — накинулся Титька на Сивачёва.

— С какой такой радости? Сам отдашь!

— Что ты наделал?! — застонал Петька.

Сивачёв разворачивался. Петька стонал и бился головой о мягкий подголовник. Проклинал он почему-то не деверя, а опять-таки Сивачёва. Андрею хотелось вмазать Петьке в рыло, до сих

пор отчего-то целое. Он, Сивачёв, спас говнюка Титьку, а тот ещё и в претензиях?! Со злости Андрей газанул и резво погнал прочь. А зря. Шлагбаум, что прежде был гостеприимен, теперь загораживал путь. Помогал ему всем своим телом БТР.

— Приехали! — взвыл Петька. — Что теперь делать?! Ты, умный?!

— Иди к ним, скажи, что выступишь постепенно.

— А я не говорил, да?! Не говорил?! — завизжал Титька.

— Заткнись, — посоветовал Сивачёв, — а то из машины выкину. Я им сказал, что начальник ГУВД — мой друг, я позвоню — он вышлет сюда вертолёт с ОМОНОм. Они теперь не сунутся. Поят и уедут.

— Так звони! Чё ты сидишь?! Давай вертолёт!

— В рыло бы тебе дать, — признался в своих намерениях Сивачёв.

— Сказал «вертолёт» — давай. За базар отвечать надо, — поучал Петька.

БТР стоял смиренно, без признаков жизни и агрессии. Сивачёв соображал, как его объехать. Место было неудобное: с одного бока — заросший откос, с другого — гора. Только вертолёт можно облететь.

— Генка Сивачёв у них пилу сломал, — тихо и печально заговорил Петька, — новую пилу, японскую какую-то. Привязали за ноги к тракторам и дёрнули.

— А я был в Японии, — перебил его Андрей, чтоб сменить тему, — что меня там добило — унитаз с пультом. Садись на унитаз, берёшь пульт и выбираешь температуру воды, аромат, напор. Всё, что хочешь, всё ради твоей задницы.

— То же мне счастье — жопу вылизывать, — надулся Титька и закрыл глаза. То ли не хотел разговаривать, то ли просто не выспался. Увезли же его ночью.

«Уехать, уехать отсюда, — молило и ныло внутри Сивачёва, — скорее, скорее, уехать, уехать. Господи, если ты есть, придумай что-нибудь, ну, хоть какой-нибудь вертолёт! Не стоять же здесь!» Сивачёв стал представлять Господа, к которому так настойчиво обращался. В ответ ему всплывало лицо Каина: смуглое, белоглазое, с дырявым улыбчивым ртом. Или тот же Каин у креста на мосту, его белая склоненная голова. «Ходит он, хо-о-одит!» — пела где-то сбоку баба Маня.

— Есть какие-нибудь дороги отсюда? — толкнул Сивачёв Титьку.

— А? Нет, — мякнул Петька, — вертолёт вызывай. Пока светло. Им ещё лететь... — Петька сонно запыхтел.

Сивачёв достал бутылку, отхлебнул. Светлая жидкость ничего не прояснила: ни в голове, ни в этой невразумительной жизни. «Господи! — Сивачев уже прямо обращался к убийце Каину, — давай, разрули как-нибудь! Ты же тут все ходы-выходы знаешь, каждого зайца в лицо!» Внутри себя Сивачёв кричал и выль, внутри себя — жильё без соседей, делай, что хочешь. А снаружи стояла, не шевелясь, тишина, сама оглохшая от собственной неподвижности. В БТРе что-то лязгнуло, как взвизгнуло. Это тишина переступила с ноги на ногу. Сивачёв закрыл глаза. Он тоже плохо спал этой ночью. Сначала ему приснился шум вертолёта, а потом хрип БТРа. Сивачёв и Петька враз очнулись — вертолёт точно тархтел, БТР уходил в синих клубах чада. «Прилетели что ли?» — ворчливо уточнил Титька, недовольный опозданием вертолёта.

Андрей повёл джип, боясь на каждом повороте врезаться в подкарауливающий их БТР. Но дорога была пуста. Только наверху, над тайгой ходил кругами неопознанный вертолёт, вороша макушки.

— Пленные из зоны сбежали! — догадался Петька. — Это просто пленные сбежали!

Сивачёв объявил тёте Тоне, что уезжает. Тётя Тоня с удовольствием покивала.

— На рыбалку, что ли, не съездим? — обиделся дядя Коля.

С Титькой Сивачёв решил не прощаться. Но Титька сам явился к нему.

— Завтра катер пойдёт, — порадовал он, — деверь условия поставил: магазин теперь его, называется Татьяна, а я зачисляюсь продавцом. Процент от выручки и списание тоже моё. Товар уже в Перевалихе. Завтра в девять, если тумана не будет. Ты там за погрузкой проследи.

— Татьяна его дочка? — уточнил Сивачев.

— Нет, баба его. У нас здесь живёт. А жена в Перевалихе. У него ещё в Петропавловске есть. Здешней бабе надо под запись давать, без денег. Он так сказал.

— Поздравляю! — порадовался за Титьку Сивачёв.

— Доминика плачет, — признался Титька, — над ней ребяташки смеются. Раньше на магазине Доминика висела, а сегодня уже Татьяна.

— Привыкнет, — пообещал Сивачёв.

Дядя Коля вручил Сивачёву гостинец на дорожку — трёхлитровую банку икры. Икра была мутноватая, но вкусная: с зеленью, с чесноком. Он у них такую пробовал. О перекопке нижних покойников оба помалкивали. Тётя Тоня попросила взять на ту сторону бабу Маню со знакомым дедушкой. Старички заскучали по деткам.

— Пассажиров с вещами загрузил! — доложил утром дядя Коля.

Андрей только проснулся, но точно помнил, что ключей от машины дяде Коле не давал. Ворвалась на провода Ленка Дудина. Опять катала головой по орлу, но слезами уже не мочила. Отозвав в сторону, ещё раз спросила, даст ли Сивачев денег на ребёнка. Сивачёв подтвердил, что не даст. Припомнил, что Ленка — не его одноклассница, а на год младше.

— А я, дура, тебя ждала! — упрекнула верная Дудина.

Пришло ещё трое незнакомых провожающих. Все с ведрами. Сивачёв наотрез отказался покупать их ягоду и рыбу.

— Специально готовили, — возроптали они. — Всё свежее, недорого.

— Бери, — советовала тётя Тоня, — в Петропавловске продашь. В драку разберут. У них там дороже. Я тебе в тройной целлофан пересыплю. Не потечёт.

Сивачёв обречённо взял ведро черники — Лиле в подарок. Брусника и свежая сорога бросились к дедам, умоляя их купить гостинцы детям. Старики, поторговавшись, купили. Тётка пересыпала-перекладывала продукцию в пакеты, «как к Христу за пазуху». Покупки составили в багажник джипа, где уже громоздилось не меньше пяти сумок и банка с солёными груздями.

— Хоть на импортной машине перед смертью покатаемся! — проблеял дедушка с жёлтым крючком единственного зуба.

— Зять у меня сам машины собирает, — напомнила баба Маня.

Старички предались семейному хвастовству, перетёкшему в обиды и жалобы. Полосатый Василь Петрович взял с Сивачева три тысячи, а с дедов по пятисотке. Деда возроптали, долго путались в деньгах, норовя отдать самые мятые и мелкие.

— Так ты там проследи за погрузкой, — пристал к Сивачёву запыхавшийся Титька — явился всё-таки, — и посмотри, он себе не крысит? А то не хватает, бывает. Прошлый раз двух банок

сгущёнки не было. А водки у тебя не осталось? В магазине продам, тебе-то она не нужна.

— Пошёл ты... — попрощался с Петькой Сивачёв.

Сивачёвский берег оттолкнулся и начал медленно отползать назад.

— У меня мочевого слабый, — признался за спиной Сивачёва дед. — Ничего, я бутылку взял с широким горлом.

— В дороге всякое бывает, — ободряла его баба Маня.

Сивачёв попробовал спать — не получалось.

— Старший-то его, говорят, — распевала баба Маня, — а младший Тиликова. У Титьки ж одни девки, он пацана хотел. А тоже не помогает. Ей никто не помогает. Всё одна. На ягоде живут. Как позаниматься — все тут как тут, а помогать — нет их. На лесопилку её вдвоем возили, чуть не поубивали друг друга. В магазине рассказывали.

— Магазин-то забрали у него! — перебил дед, — Миллион лесным задолжал. За зятя платил, чтоб не посадили. Зять его по пьянке соседа застрелил. Самооборону ему сделали.

— Чё творится?! — восхищалась баба Маня. — А слышал ты, что затопят до верхов? Поп по рации передавал.

— Отвернись, — попросил дед, — мне тут надо.

В Перевалихе Сивачёв открыл багажник. В него натёк рассол с ягодным соком, из дырявой бабы Маниной сумки просыпалась земля.

— Что тут у вас?! — вытаращился Андрей.

— Деда мой, — призналась баба Маня, — Миша выкопать помог. Деда мой ужас воды боялся. Не дай бог, говорил, потонуть. От живота помер. Нас с ним где-нибудь на горочке. И гроба второго не надо. Подвинемся как-нибудь в одном.

Сивачёв взял бабы Маниного деда и понёс к дочкиному дому. Ему было тяжело.

В полдень Сивачёв выехал из Верхней Перевалихи, радуясь, что дорога выпала на день. На выезде его догнал раскоряченный мутант бабы Маниного зятя. Из кабины выскочил радист Максим:

— Хорошо, что догнал вас. Я связался с комиссией по затоплению. Могу дать их телефон. Они мне ответственно заявили: все кладбища перенесут! За государственный счёт. Всех родственников письменно известят. Всё будет хорошо.

Максимово лицо так радовалось, так сияло, как будто все Сивачёвские покойники были его собственной родней.

— Ты убивал кого-нибудь? — невпопад спросил радиста Сивачёв.

Максимова радость тут же потухла, лицо разобиделось до слёз:

— Разве я вас чем-то огорчил? Я хотел помочь, — поник он.

— Спасибо тебе, — пожал Сивачёв Максимову руку, — ты мне очень помог. Ты самый лучший радист.

— Никого никогда не убивал, — жалобно заверил Максим.

— Я понял, — кивнул Сивачёв. — Прощай!

Сивачёв ковылял лесом, полз по разобранному мосту, болтался на щебёнке, слеп в глиняной пыли. Остановился он только на асфальте у первой заправки. Достал банку икры и принялся жадно есть грязной пластмассовой ложкой, завалявшейся под сиденьем. Из соседней машины его несколько раз сфотографировали. Он слышал молодой смех и комментарий: «Смотри-смотри: жизнь удалась. В натуре!»

